

УДК: 577.4+612.6+301 (575.2) (04)

ЗАМЕТКИ К ВОПРОСУ ПОСТРОЕНИЯ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

А.А. Сорокин – канд. биол. наук, доц.

The article regards the issues on Sustainable Development Strategy elaboration in a separate country. The author expresses his opinion the process should consider the internal (national) regulations of development. This leads to the conclusion that development of each country should consider not only the requirements of the Sustainable Development concept, but modernization approaches as well.

Осознание человечеством в последней трети XX в. невозможности дальнейшего развития в рамках парадигмы модернизации привело к необходимости разработки новой концепции. Новой парадигмой стала концепция устойчивого развития (УР). Сразу же отметим, что неудачный перевод английского термина “sustainable development” на русский язык как “устойчивое развитие” порождает множественные иллюзии в отношении того, что эта нормативная концепция предполагает устойчивый экономический рост. На самом же деле под этим требованием подразумевается такое развитие, которое, с одной стороны, предполагает сохранение окружающей среды как основы существования и воспроизведения *Homo sapiens*, а с другой, – сохранение ресурсной базы для того, чтобы будущие поколения имели те же возможности для развития, что и ныне живущие.

Таким образом, концепция устойчивого развития имеет весьма опосредованное отношение к экономическому росту и зачастую выступает как ограничивающее этот рост условие. Более того, исторически она восходит к работам Форрестера и Медоуза [1,2], показывающих необходимость существования пределов роста. Нельзя не согласиться с мнением Данилова-Данильяна [3], что данная концепция своим инвариантом имеет цель выживания человечества, и поэтому говорить об устойчивом развитии, строго говоря, можно только на уровне всей глобальной системы. Этот же вывод следует из Хартии Земли [4]: “Мы должны осознать, что при условии удовлетворения **основных** (выделено мной) потребностей человеческое развитие, прежде всего, подразумевает существовать дольше, а не иметь больше”.

Зафиксированное во многих нормативных документах императивное требование о необходимости находиться в рамках парадигмы устойчивого развития при построении различных стратегий развития все чаще приводит к использованию терминологии устойчивого развития как заклинания, прикрывающего в целом модернизационные подходы, с более или менее существенным природоохранительным блоком. С другой стороны, возникают сомнения в возможности строго следовать принципам устойчивого развития, особенно в условиях развивающихся стран и стран с переходной экономикой. В данной работе мы попытались отметить некоторые отличия концепции устойчивого развития от модернизационных схем развития и рассмотреть возможность их совместного использования.

Рассматривая глобальную систему “Земля” как результат взаимодействия социума и биосферы, необходимо отметить, что социум дает пример системы, в которой цели подсистем противоречат цели глобальной системы. Трудно представить себе, что в каждом отдельном случае будут жестко учитываться как требования глобальной системы, так и других подсистем (стран, регионов). Очевидно, что считать такую систему устойчивой (в физическом смысле) не представляется возможным, и ее целостность поддерживается только за счет поразительной устойчивости второго компонента глобальной системы – биосферы.

Далее, если представлять себе социальную систему как иерархическую, то можно (в целях анализа) для отдельно взятой страны выделить три иерархических уровня: верхний уровень со-

ответствует глобальной системе, второй уровень можно определить как страновой, третий определяет закономерности взаимодействия человека и природы на уровне местных сообществ.

Все ограничения, являющиеся следствием принятия принципов устойчивого развития, полностью применимы только к самому верхнему уровню и накладывают на страну самые общие условия, наиболее концентрированное выражение которых можно найти в ратифицированных данной страной международных соглашениях (по биоразнообразию, парниковым газам, опустыниванию и т.д.).

Если мы опускаемся на страновой уровень, то здесь сразу же возникает вопрос о пределах его компетенции, в которых данная страна может разрабатывать свою собственную экономическую и экологическую политику. Еще с большей актуальностью данный вопрос возникает на уровне местных сообществ. Мы вполне допускаем, что здесь возможны различные вариации, суть которых состоит в определенном отступлении от принципов устойчивого развития. Безусловно, эти отступления должны быть осмыслены и просчитаны. Конечно, может быть принят постулат, что интервал компетентности нижнего уровня равен нулю, что и будет означать безусловное следование принципам устойчивого развития. Однако на данном уровне развития многих стран (в том числе и стран с переходной экономикой) не будет ли это означать, к примеру, консервацию бедности?

В терминах экономики природопользования [5] следует различать глобальный и страновой уровни. Для верхнего (глобального), скорее всего, применимо требование сильной устойчивости, т.е. требование не убывания природного капитала, тогда как для странового уровня, вероятнее, применимо требование слабой устойчивости. Ключевой посылкой требования слабой устойчивости является положение о высокой степени взаимозаменяемости капиталов, позволяющей противостоять ограниченности природных ресурсов, лимитирующей экономическое развитие.

Принятие возможности перехода от сильной устойчивости к слабой позволяет перейти к разработке своих страновых критериев развития, которые в определенных пределах могут совершенно не учитывать требований глобальной системы.

В частности, возможно привлечение при построении стратегии таких понятий, как мобилизационная схема развития или концепция модернизации в качестве противовеса концепции устойчивого развития. Вот несколько «крамольных» вопросов: существуют ли ресурсы быстро-

го экономического развития при усилении мобилизационных тенденций в обществе, наряду с действием рыночных механизмов? В каких пределах использование модернизационных механизмов может игнорировать требования экологии? Возможно ли такое согласование экологических и экономических целей, которые можно рассматривать не только как конкурирующие, но и как дополняющие?

Ясно, что ответы на такого рода вопросы зависят от оценки уровня нарушения устойчивости внешней среды, определения черты, когда подобные нарушения становятся необратимыми.

Аналогичные вопросы возникают также на самом нижнем иерархическом уровне, с той разницей, что именно на этом уровне давление деструктивных тенденций в обществе наиболее сильно. Здесь с особой остротой возникает мучительный вопрос: строго следовать требованиям концепции устойчивого развития, несмотря на давление бедности, или есть возможность ускорения экономического развития за счет нарушения в определенных пределах (в пределах компетентности данного уровня) принципов устойчивого развития?

В этом аспекте хотелось бы напомнить, что существует обобщение [5], называемое экологической кривой Кузнецца. Суть этого обобщения состоит в том, что по мере экономического роста, начинающегося, как правило, с низкого уровня доходов в стране и сильного давления бедности, начинается усиленная, экстенсивная эксплуатация природных ресурсов, противоречащая принципам устойчивого развития. По мере роста доходов негативное влияние на экологию снижается и начинается обратный процесс восстановления окружающей среды. Конечно, для каждого государства или другой общности уровень экономического развития, с которого начинается восстановление окружающей среды, имеет различное значение, определяемое сложившимся благосостоянием общества, особенностями экономики, культурными и этническими традициями и т.д., но одно несомненно: все развитые страны имели в своем развитии этап пренебрежения принципами устойчивого развития.

В свете этого замечания наиболее общий ответ на приведенные выше вопросы неизбежно должен содержать понятие хозяйственной (или экологической, несущей) емкости биосферы (или той или иной территории, геосистемы). Необходимо определить те пределы, в которых антропогенное воздействие социума находится в таких рамках, что среда в состоянии или за счет процессов авторегуляции (ассимиляционного потенциала), или за счет осознанного вмешательства

человека полностью погасить оказанное на нее воздействие. Далее очевидно, что понятие хозяйственной емкости и принятие принципа ее непревышения приводит к понятию пространства возможностей, внутри которого и должны строиться траектории развития. Построение же такой траектории, в свою очередь, должно регулироваться принципами оптимальности, которые неизбежно будут отличаться от страны к стране. Принятие такого подхода предполагает использование как принципов устойчивого развития, так и мобилизационных и модернизационных подходов.

Приведенные выше аргументы определяют необходимость, в первую очередь, для каждой страны определить хозяйственную емкость. Задача эта отнюдь не простая, однако необходимая, если мы хотим перейти от заклинаний к реальному определению пространства возможностей и от него к выбору оптимальных траекторий развития в этом пространстве.

Понятие траектории развития неизбежно приводит к необходимости определения цели развития. Совершенно очевидно, что ставить задачу достижения уровня потребления развитых государств для развивающихся государств нереально. Расчеты показывают, что с учетом современного уровня технологий природный потенциал Земли позволяет обеспечить нормальное существование не более 2,5 млрд. человек [7]. Поэтому только уровень потребления более не может быть единственным критерием успешности развития того или иного государства. Требуется другой критерий развития. Одной из попыток создания такого критерия можно считать введение Индекса Человеческого Развития (ИЧР) [8]. Из его определения следует, что уровень развития той или иной страны **в равной степени** определяется здоровьем населения и уровнем его образованности, а не только доходом на душу населения. Конечно, остается открытым вопрос, каким образом добиться действительного равенства этих трех составляющих, как в умах людей, так и в планах развития различных государств, однако попытка отхода от парадигмы потребления заслуживает внимания.

Еще один аспект развития, который занимает не последнее место в определении целей развития, — это вопрос самоидентификации, идентичности нации. Существует ли для Кыргызстана опасность вестернизации и “кола-колонизации”? Опасность ли это? Есть ли необходимость учитывать эту возможность в построении стратегии развития страны?

Определение целей развития ставит на повестку дня определение механизмов построения траектории достижения этих целей. Принимая посылку, что мы имеем дело со сложной (или очень

сложной системой), можно сделать несколько общих замечаний. Это, во-первых, невозможность строгого описания системы в терминах классического понимания “состояния системы”, поскольку невозможно задать и определить все параметры системы и их взаимодействие. Следовательно, во-вторых, стратегии развития должны строиться как адаптивные системы, способные на каждом шагу адаптироваться к изменившейся ситуации, что подразумевает невозможность построения жестких алгоритмов развития [6]. В-третьих, возникает необходимость в создании индикаторов, позволяющих на каждом шагу отслеживать процесс развития системы. Оставаясь в рамках теории систем, необходимо признать, что эффективно управлять системой можно только в том случае, если имеется более или менее адекватная модель, отражающая процессы, приводящие систему в движение. В противном случае высоко вероятна ситуация, когда воздействия на систему будут игнорироваться, оставляя систему на инерционной траектории развития. Если разработанные нами меры воздействия на систему не отражают внутреннюю логику ее развития, они могут привести совсем не к тем результатам, на которые мы рассчитываем. Обращаясь к медицинской терминологии, можно констатировать, что большинство существующих сегодня руководств по построению стратегий устойчивого развития в лучшем случае можно отнести к симптоматическому лечению, не затрагивающему патогенетические механизмы. В частности, в таких руководствах по построению стратегии устойчивого развития, как [9, 10], ничего не говорится, например, о необходимости интернализации внешних воздействий, хотя в определенном смысле требование учета экстерналий (в частности темпоральных) практически тождественно понятию устойчивое развитие. По-видимому, Хартия Земли [4] является одним из немногих рамочных документов, зафиксировавшим норму “интернализировать полную экологическую и социальную стоимость товаров и услуг в продажных ценах...”.

Безусловно, такое состояние является следствием отсутствия более или менее компактной теории, в обозримом виде описывающей взаимодействие социума и природы и построенной на конечном небольшом количестве постулатов. Невозможность увязать в единую систему разнородные требования, оценить их приоритетность, и взаимосвязь делает подобные разработки практически бесполезными, поскольку оставляют высокую неопределенность как в понимании того или иного заклинания, так и его положения в ряду других, подобных ему.

На наш взгляд, наиболее удачной попыткой построения модели, описывающей взаимодействие природы и социума за последнее время, является разработка концепции синдромов глобального изменения, предложенная Германским консультативным советом по глобальному изменению [11] и детально разрабатываемая сотрудниками Потсдамского института исследований влияния на климат [12].

Основная идея здесь состоит в том, что общий феномен “глобальное изменение” не может быть разделен на регионы, секторы или процессы, но должен пониматься как совместная эволюция динамических субсистем общей большой системы. Определенный путь к выделению и описанию этих относительно независимых субсистем и их взаимодействий и составляет суть концепции синдромов глобального изменения.

Таким образом, в идеале концепция синдромов должна позволить, во-первых, вычислить предрасположенность страны (региона) к тому или иному синдрому, во-вторых, разработать меры, чтобы не допустить проявления синдромов на этой территории, а если они появились, то разработать стратегию смягчения синдромов и, в конечном итоге, их элиминацию, что и является основной посылкой устойчивого развития. Представляется, что применение концепции синдромов к случаю Кыргызстана может быть весьма полезным.

Таким образом, при построении концепции развития страны в самом общем виде, вырисовывается следующая последовательность действий:

1. Разработка иерархической модели страны и описание основных механизмов взаимодействия между иерархическими уровнями.
2. Определение пределов компетенции каждого уровня.
3. Определение хозяйственной емкости как всей страны в целом, так и в функциональном пространстве каждого уровня.
4. Определение закономерностей изменения хозяйственной емкости среды в зависимости от деструктивных тенденций в обществе и от внедрения инноваций.
5. Определение целей развития страны.
6. Описание критериев, определяющих оптимальное развитие страны.
7. Построение траекторий развития, удовлетворяющих как критериям, так и не приводящим к выходу за пределы хозяйственной емкости геосистем.

Очевидно, что решение всего круга вопросов, следующего из приведенного выше списка, чрезвычайно сложная и емкая задача, требующая комплексного, междисциплинарного подхода.

На основании отмеченного выше можно утверждать, что существует большой разрыв между теоретическим осмыслением процессов развития общества и предлагаемыми практическими мерами воздействия. В результате может создаться ситуация, когда предлагаемые стратегии развития, не учитывая внутренних закономерностей, идущих в обществе процессов, не будут оказывать на эти процессы нужного влияния, оставляя общество на инерционной траектории развития. Для преодоления этого противоречия, по-видимому, необходимо согласиться с привлечением к построению стратегий модернизационных схем, а не только принципов устойчивого развития. В этом случае решающим условием становится определение для страны или региона хозяйственной емкости окружающей среды и закономерностей ее изменения.

Литература

1. Forrester J.W. World Dynamics. – Cambridge:Wright-Allen press, 1971. – 142 p.
2. Meadows D.H., Meadows D.L., Randers J., Behrens W.W. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project On The Predicament of the Mankind. – New York: Universe Books, 1972. – 205 p.
3. Данилов-Данильян В.И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ). http://www.opec.ru/analyze.asp?tmpl=analyze_doc_print&d_no=30047. – 2002.
4. Хартия Земли. http://www.unesco.kz/education/cdrom/ssdkg/theme_a/mod02. – 2000.
5. Бобылев С.Н., Ходжаев А.Ш. Экономика природопользования. – М., 2003. – 567 с.
6. Mesarovic M.D., McGinnis D.L., West D.A. Cybernetics of Global Change: Human Dimension and Managing of Complexity. Management of Social Transformations (MOST), University Twinning Programme (UNITWIN), UNESCO, Policy Paper. – №3. – 1996.
7. Олдак П.Г. Введение в метасоциальный синтез. Теория экологически устойчивого общественного развития. – Новосибирск, 1992. – 43 с.
8. Национальный отчет по человеческому развитию (человеческое развитие в горных регионах Кыргызстана). Программа развития ООН в Кыргызстане. – Бишкек, 2002. – 180 с.
9. Обучающее руководство по национальной стратегии устойчивого развития. – UNEP, 2004.
10. The DAC Guidelines Strategies for Sustainable Development: Guidance for Development Cooperation. OECD. – 2002. – 102 p.
11. World in Transition: The Research Challenge. 1996 Annual Report. German Advisory Council on Global Change. Springer-Verlag Berlin Heidelberg 1997. – 193 p.
12. Schellnhuber H.J., Block A. et al., Syndromes of Global Change. GAIA. – 1997 6(1). – P. 19–34.